

*В.В. Качанова (Россия, Самара)
Я.А. Чипига (Россия, Самара)
Научный руководитель Е.Н. Сергеева*

**«СОХРАНЯЯ МИР В СЛОВЕ»: ТЕМА ПАМЯТИ В РОМАНАХ
СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ («АВИАТОР» Е. ВОДОЛАЗКИНА
И «ДЕТИ МОИ» Г. ЯХИНОЙ)**

В статье на материале романов современных писателей – Е. Водолазкина «Авиатор» и Г. Яхиной «Дети мои» рассматривается проблема воспроизведения воспоминаний художественным сознанием. В ходе исследования проблема рассматривается в разных аспектах: учитываются мотивы воскресения героя и воскрешения прошлого через текст, реализация категории времени и понимание истории в художественных мирах произведений.

***Ключевые слова:** память, вспоминающее сознание, категория времени, понимание истории, письменное слово.*

В отечественной литературе последних лет можно отметить тенденцию к художественному воспроизведению писателями работы памяти, интерес к теме воспоминаний. Можно согласиться с мнением К.А. Сундуковой, утверждающей, что *«мимезис работы памяти и воспоминания может быть рассмотрен как один из поэтологических принципов романного повествования»* [2, с.10].

Всё чаще авторы, воссоздавая в текстах работу вспоминающего сознания (дневники, мемуары и пр.), объединяют в рамках художественного целого память отдельного человека и всего человечества и тем самым представляют свое видение истории, – таким образом, *«характерной чертой мнемонического повествовательного метода является установка на создание эффекта аутентичности художественного высказывания, а целью – изображение процесса поиска героем истины (в прошлом)»* [2, с.10].

В статье тема памяти будет рассмотрена на материале романов «Авиатор» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной. При всей разности творчества писателей и непохожести конкретных текстов можно обнаружить черты сходства в том, что касается раскрытия темы памяти и слова. Заметим, что в анализируемых произведениях это сходство реализовано через мотив воскресения через текст.

Фабульной основой романа Е. Водолазкина «Авиатор» (2016) является история Иннокентия Платонова, который был в Соловецком лагере заморожен на семьдесят лет и воскрешен в 1999 году. Он ничего не помнит из прошлой жизни и только благодаря совету доктора Гейгера вести дневник постепенно возвращается к жизни, обретая воспоминания: в дневнике мир Платонова как бы создается на глазах у читателей. Его становление начинается с текста, герой находит себя в нем, продолжается в написанном ручкой по бумаге:

«...на бумаге всё крепче, надежнее. Устные рассказы, знаешь ли, размываются в памяти, а то, что написано, – не меняется. И, что важно, это можно перечитывать» [1, с. 291]. Вслед за словами восстанавливаются и воспоминания, творение текста становится строительством нового мира Платонова и строительством его прошлого, жизни в Петербурге в трагические годы.

В написанном двумя годами позже романе Г. Яхиной тема памяти демонстрирует удивительное созвучие с «Авиатором» (хотя и не играет сюжетобразующей роли) и тоже связана с мотивом слова. На протяжении всего романа прослеживается обретение словом энергии и силы. Бывший школьный учитель из немецкой колонии в Поволжье Якоб Бах, переживший в добровольном отшельничестве трагические годы революции и Гражданской войны, вынужден вернуться в родной Гнаденталь, так как ему необходимо молоко для грудной дочери. Комиссар Гофман предлагает ему «сделку»: молоко в обмен на сведения о нравах и обычаях жителей вверенного ему поселения. И Бах, сначала принуждаемый писать, вскоре понимает, что эта работа необходима ему самому: *«Иногда спрашивал себя, кому и что нужнее: младенцу молоко или ему самому эти серые мятые листки? Ответа не знал»* [4, с. 312].

Воспоминания и письменное слово дают Баху возможность воссоздать прежнюю жизнь Гнаденталя, когда тот был цветущей и сытой колонией: *«Бах описывал Гнаденталь – описывал страстно, каждый день мучительно размышляя, какое воспоминание выпустить. Не описывал – воссоздавал разрушенную колонию, собирая воспоминания, как рассыпавшиеся камни, чтобы на руинах некогда прекрасного Гнаденталя возвести его заново, хотя бы на бумаге. Бах не писал – строил»* [4, с.180]. Он обращается к прошлому при помощи воспоминаний, которое тщательно хранило его сознание, и письменного слова, которое воплощает прошлое на бумаге. Однако слово в художественном мире романа Яхиной способно не только воскрешать прошлое, но и рождать новое: Бах, начав с очерков быта и нравов колонистов, затем начинает писать сказки, которые неожиданно для него самого начинают сбываться.

Укажем на важное совпадение: герои обоих романов пишут для своих дочерей: Бах – чтобы накормить оставшуюся без матери Анче, Платонов – чтобы рассказать о себе дочери, которая, как он предполагает, родится уже после его смерти. Таким образом, тема памяти связана с образом ребенка, а значит, с будущим.

Категории памяти и времени в романах будто сплетаются друг с другом – одна не существует без другой и наоборот. В произведении Е. Водолазкина герой будто «застрял» между двух отрезков времени – он мыслит прошлым, но живет в настоящем, пытается с ним смириться и быть в нем полноценным членом. Он пытается освоить новые технологии (*«Весь день пытался печатать на компьютере. Чувствовал себя первопечатником»* [1, с. 91]), приравнивается к метро и поведению людей другой эпохи, однако то, что для людей 90-х – прошлое, для Платонова – это его эпоха, его «настоящее». Он постоянно возвращается в прошлое: в его воспоминаниях почти всегда при-

сутствуют эти мотивы – любовь, смерть, лагерь, холод. Это связано с тем, что и его прошлое для него – таинственное и не до конца известное, и его «фактическое настоящее» – неизведанное и далекое.

У героя романа Г. Яхиной тоже особенные отношения с временем. Бах воспринимает время метафорически, он создает свой собственный календарь: так, ключевые события Гражданской войны в Поволжье в 1918-1919 годах, становятся Годом Разорённых Домов, Годом Безумия, Годом Голодных, Годом Мёртвых Детей...

В качестве одного из главных аспектов обращения к проблеме времени необходимо отметить также особое понимание истории. «Большая история» XX века утрачивает свою актуальность, и ей противопоставляется история другая – частная, но не менее значимая. Масштабные явления оставляют след на объединении, на массе людей, а малые – на всех, только откликаются они в каждом по-разному; и этот-то отзвук воспитывает личность. Истинную ценность имеют лишь одномоментные, знакомые каждому явления, случаи, отрезки времени; только такой пласт событий формирует человека и делает его самим собой. Неслучайно Платонов размышляет: «Если всё это не будет записано, то, боюсь, канет в Лету. В истории человечества это будет заметная прореха» [1, с. 311], – то есть без частных воспоминаний обычного человека неполна история человечества!

А в «Детях...» апофеозом этого противопоставления большой истории и истории частной становится картина Волги, как бы состоящей из отдельных людей, «вплетенных» в ее течение: *«Тела устлали дно Волги – вернее, составляли его. Глаза – светлые, темные, карие, голубые, широко распахнутые, в обводке длинных ресниц, и узкие, едва видимые из-под набрякших монгольских век – спокойно глядели на Баха со всех сторон. А сквозь все это – сквозь ткани, латы, костяные и деревянные доспехи, шинели, гимнастерки, бурки, папахи, сквозь тела и конечности, лица и волосы, зубы и ногти – торчали стрелы, копья, штыки, темнели пулевые отверстия и ножевые порезы. Как скрепы, стежки или гвозди»* [4, с. 483].

На основании анализа можно сделать вывод: произведения Е. Водолазкина и Г. Яхиной демонстрируют сходство во взглядах на такие явления, как воспоминание и память, слово, большая и малая история. Критик Г. Юзефович заметила, что в «Авиаторе» Е. Водолазкина волнует «тема сохранения мира в слове» [3, с. 238]. Нам представляется, что это можно сказать об авторах обоих рассмотренных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водолазкин Е.Г. Авиатор – М.: Изд-во: АСТ: Современная русская литература. М., 2016. – 350 с.
2. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2018. – 217 с.

3. Юзефович Г.Л. Евгений Водолазкин. «Авиатор» // Юзефович Г.Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана : 150000 слов о литературе. – М: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 234-238.

4. Яхина Г.Ш. Дети мои. М: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 493 с.

*С. М. Круглякова (Россия, Самара)
Научный руководитель И. В. Саморукова*

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ А. РОДИОНОВА

В данной статье предпринята попытка определить жанровое своеобразие поэзии А. Родионова, что позволит в дальнейших исследованиях охарактеризовать своеобразие роли его поэзии в современном литературном процессе. Внимание акцентируется на участии А. Родионова в культурном постсоветском литературном пространстве, а также на создании им нового стиля и жанра. Рассмотрена связь поэта с направлениями в поэзии второй половины XX века, проанализированы некоторые произведения А. Родионова, рассмотрены доминирующие образы. В результате исследования выявлены и прокомментированы особенности поэтического мира Андрея Родионова, его жанрового своеобразия.

Ключевые слова: *современная поэзия, поэтический мир, жанровое своеобразие, поэзия А. Родионова.*

Андрея Родионова критика относит к поэтическому поколению нулевых, которое также называют поколением «Вавилона», проекта по «открытию» и публикации новой поэзии, созданного поэтом и критиком Д. Кузьминым. Став в 2002 году победителем нового турнира «Русский слэм», открыто использующим в своих текстах тематику и приемы рэпа, Андрей Родионов, тем не менее, остается поэтом литературной традиции. В его поэзии часты упоминания имён литературных деятелей, и излюбленной формой для Родионова является баллада – лиро-эпическое сюжетное стихотворение. А. Родионов является организатором поэтических слэмов и их ведущим, поэтом и драматургом, то есть проявляет себя не только как поэт, но как культур-трегер, активный в современной медиасфере.

Илья Кукулин отмечает, что Родионов создает свой новый стиль и новый жанр. Это необходимо поэту для того, чтобы свободно и внятно говорить о современном городе и его обитателях. В сборнике «Игрушки для окраин» (2007) отчетливо прослеживается связь сквозных образов и приёмов поэзии Родионова с поэзией лианозовцев и концептуализма 1970-х – 1990-х годов XX века. Как Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн стремились раскрыть современное им сознание, так и Андрей Родионов анализирует сознание, современное